

Тулты или, какъ ее обыкновенно называютъ, Шаръ-Сумыня мы продолжали путь уже безъ проводника до русскаго пограничнаго города Зайсанска, куда и прибыли 7 октября.

На этомъ участкѣ путь нашъ лежалъ черезъ степи по западному берегу Иртыша. Въ Зайсанскѣ мы продали нашихъ лошадей и на почтовыхъ доѣхали до Семипалатинска, а оттуда на пароходѣ по Иртышу до Омска. Здѣсь я разстался съ моими тремя спутниками, которые отправились по домамъ, а я, послѣ недѣльнаго путешествія въ вагонѣ, 13 ноября вернулся въ Гельсингфорсъ.

Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Кульджинскій районъ, командированнаго Русскимъ Комитетомъ, студента факультета Восточныхъ языковъ Ф. В. Муромскаго въ 1906 году.

Цѣлью поѣздки мнѣ было поставлено изученіе сибирскаго разговорнаго языка и опредѣленіе отношенія его къ письменному маньчжурскому.

5 марта я выѣхалъ изъ Петербурга, имѣя конечнымъ пунктомъ г. Ташкентъ Сыръ - Дарьинской области, куда и прибылъ 13 марта. Далѣе мнѣ предстояло продолжать путешествіе по почтовому тракту Ташкентъ - Хоргосъ - Кульджа. Получивъ 17 марта открытый листъ отъ Ген.-Губернатора въ Ташкентѣ, я въ тотъ же день выѣхалъ на ст. Кабуль - сай Оренбургско - Ташкентской жел. дор., откуда и начинается почтовый трактъ. 30 марта пріѣхалъ въ пограничное селеніе Хоргосъ, отстоящее отъ г. Ташкента въ 1130¹/₂ верстахъ. Покончивъ съ таможенными формальностями, я на слѣдующій день на разсвѣтѣ выѣхалъ изъ Хоргоса и вечеромъ того же дня прибылъ въ г. Кульджу и остановился на почтовой станціи.

Въ Кульджѣ, при любезномъ содѣйствіи секретаря консульства А. А. Дьякова, я вскорѣ нашелъ квартиру, такъ какъ въ Кульджѣ мнѣ предстояло прожить неопредѣленное время. Отъ нашего консула С. А. Федорова я узналъ, что вѣздъ русскимъ въ сибирскія поселенія — сумуны (монгольское слово «стрѣла», «рога») запрещенъ, и что

необходимо спеціальное разрѣшеніе отъ Илійскаго цзянь-цзюня; при этомъ С. А. Федоровъ обѣщаль съ своей стороны принять соотвѣтствующія мѣры къ скорѣйшему выясненію дѣла. Въ ожиданіи отвѣта, я началъ заниматься маньчжурскимъ языкомъ, подъ руководствомъ учителя мѣстной школы переводчиковъ, Бодишан'а. Разрѣшеніе отъ цзянь-цзюня пришло въ концѣ апрѣля, и 5 мая я отправился черезъ г. Хуй-юань-чэнъ въ 6-ой сумунъ (на картахъ Алтысумунъ), гдѣ живетъ главный мѣстный начальникъ 8 сибирскихъ ротъ — ухерида (ухері да). Здѣсь я провелъ все лѣто, за исключеніемъ кратковременной поѣздки съ 16 по 26 іюня въ 3-ю роту (на картахъ Коджигеръ). Тамъ жилъ въ домѣ ротнаго командира (ніруї цацін) Фу.

7 сентября вернулся въ Кульджу, а 18 сентября выѣхалъ въ Петербургъ, избравъ болѣе короткій путь Хоргосъ - Семипалатинскъ, около 980 верстъ. Въ Семипалатинскъ прибылъ 25 сентября. Изъ Семипалатинска выѣхалъ на пароходѣ по р. Иртышу 27 сентября и 5 октября пріѣхалъ въ г. Омскъ. 11 октября я прибылъ въ Петербургъ.

Сибинцы въ Илійскій край были переведены въ царствованіе Цянь-Луна около 1763 года, въ цѣляхъ колонизаціи края. Первоначальной родиной сибинцы считаютъ мѣстности около Цицихара и Бодуне въ Маньчжуріи. Въ настоящее время число сибинцевъ достигаетъ до 25000. Они живутъ по южному берегу р. Или въ укрѣпленныхъ селеніяхъ, сообразно своему дѣленію на 8 сумуновъ или нпру (первое слово монгольское, второе манджурское, оба значать «стрѣла», «рота»). Всего селеній 7, такъ какъ первый и третій сумуны соединены вмѣстѣ. Сумуны извѣстны частью подъ киргизскими названіями: алтысумунъ, джитты-сумунъ, частью подъ монгольскими: хояръ-сумунъ, паймапъ-сумунъ и т. д. Сама сибинцы называютъ своя поселки ниру и считаютъ ихъ по порядку (уцуї ніру, цаї ніру и т. д.). Всѣ поселки обнесены очень высокими и широкими глинобитными стѣнами, снабженными воротами. Стѣны расположены правильно по странамъ свѣта. Ворота же находятся посрединѣ каждой стѣны. Улицами, ведущими отъ однихъ воротъ къ другимъ, поселки раздѣляются на 4 квадрата. Эти улицы прямыя и довольно широкія, остальные же крайне грязны

и узки. Дома, также глинобитной постройки, находятся внутри дворовъ и обращены передней стороной на югъ.

Сибинцы занимаются исключительно земледѣліемъ; воздѣлываютъ пшеницу (майзе, кит. май-цза), просо (шужу, кит. гао-лянъ) и немного ячменя (мурфа). При каждомъ домѣ есть огородъ (ѵофаѵ, кит. юань). Въ огородахъ, кромѣ овощей, какъ баклажаны, лукъ, чеснокъ, перецъ, бобы, огурцы и т. п., разводится много табаку, маку и кукурузы. Куреніе табаку сильно развито между сибинцами; курятъ, какъ мужчины, такъ и женщины, начиная съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Куреніе опиума появилось недавно, но тоже сильно распространяется. За послѣдніе 40 лѣтъ число курящихъ опиумъ возрасло, по словамъ сибинцевъ, въ 10 разъ. Для куренія употребляется особая трубка, называемая даі - моу.

Торговля развита слабо. На всѣ 8 ротъ существуетъ одна казенная лавка, находящаяся въ 6-омъ сумунѣ; доходы отъ нея обращаются на благотворительныя цѣли. Товары большей частью русскаго происхожденія и закупаются въ Кульджѣ. При этой же лавкѣ выдѣлываютъ и водку. Водка выдѣлывается ручнымъ способомъ изъ хлѣба. Одежда сибинцевъ не отличается отъ китайской, даже названія ея въ большинствѣ случаевъ взяты изъ китайскаго языка. Пища преимущественно растительная, далѣе слѣдуетъ рыба. Мясо употребляется очень рѣдко, по преимуществу баранина. Лакомствомъ считается поросятина. Водка въ большомъ ходу, но сибинцы очень рѣдко позволяютъ себѣ напиваться до полнаго опьяненія, чтѣ, по ихъ понятіямъ, крайне неприлично.

Въ административномъ отношеніи сибинцы подчинены Илійскому цзянъ-цзюню. Посредствующей инстанціей между цзянъ-цзюнемъ и мѣстнымъ управленіемъ является мейень-амбань, состоящій при цзянъ-цзюнѣ. Во главѣ мѣстнаго управленія стоятъ ухерида, который фактически и управляетъ чрезъ посредство 8 ротныхъ командировъ (ніруі цаѵи) всѣми 8-ю знаменами (каждая рота представляетъ особое знамя). При ухеридѣ находится канцелярія, состоящая изъ 3 или 4 лицъ, называемыхъ дорон цаѵи (хранители печати). Одинъ изъ нихъ исправляетъ должность секретаря (ичх'ара хафаѵ).

Официально сибинцы считаются буддистами, однако буддизмъ не пользуется большимъ авторитетомъ, и въ догматахъ буддизма они

являются совсѣмъ несвѣдущими. На всѣ сумуны имѣется только одинъ буддійскій монастырь (сүмү, монг. слово). Богослуженіе совершается на монгольскомъ, а не на тибетскомъ языкѣ. Въ каждомъ сумунѣ имѣются китайскія кумирни «Гуань-ди», «Сань-нянъ».

Такъ какъ главной цѣлью моея поѣздки было изученіе языка, то и вниманіе мое было по преимуществу обращено на усвоеніе сибинскаго говора. Съ первыхъ же дней не трудно было замѣтить, что языкъ чиновниковъ представляетъ болѣе сходства съ письменнымъ маньчжурскимъ языкомъ, чѣмъ языкъ простого народа. Такъ, въ разговорѣ чиновниковъ встрѣчаются слова письменнаго языка, уже вышедшія изъ народнаго употребленія, напр., вмѣсто употребляемаго чиновниками слова *налма*, простой народъ говоритъ «*нана*» или даже «*нан*»: *нані зихе* — «кто-то пришелъ». Вмѣсто употребляемыхъ чиновниками формъ *вазіха*, *иззіха* «кончилъ», «принесъ», неграмотные говорятъ: *вачха*, *гачха*. Но произношеніе чиновниковъ существенно отличается отъ такъ называемаго пекинскаго произношенія, принятаго въ трудахъ И. И. Захарова. Къ числу отличій относится произношеніе письменнаго сочетанія *ч + і* всегда за *чи*, а не *чи*: напр., *чимарѣ* — завтра, *тачимі* — учусь; точно также сочетаніе *с + і* всегда произносится какъ *сі*. Далѣе *е* въ сочетаніи съ губными сохраняется, а не переходитъ въ *о*, напр., *бері* — лукъ для стрѣльбы, *ве* — кто и т. д.

Въ рѣчи простого народа замѣтны болѣе сильныя уклоненія отъ письменнаго языка. Прежде всего необходимо отмѣтить переходъ гласныхъ *а*, *о*, *у* соответственно въ *ä*, *ö*, *ü* подъ вліяніемъ слѣдующаго *і*: напр., *ämiri* (вмѣсто письменнаго *amarı*) — сѣверъ, *dösımi* (вм. *dösımbı*) — входятъ, *tüçimi* (вмѣсто *tüçımbı*) — выходитъ. Затѣмъ, гласный *е* ассимилируется съ гласнымъ *у*, напр. *утку* (вм. *етку*) платье. Гласный *і* въ началѣ часто іотируется, напр. *jılan* (вм. *ılan*) — три. Между двумя гласными *б* переходитъ въ билабіальный *ш*, напр. *döwir* (вм. *доборı*) — ночь; въ окончаніи же настоящаго времени *б* совершенно исчезло: *олі* (вм. *олбі*) — дѣлаться, *самі* (вм. *самбі*) — знать. Согласный *с* въ началѣ иногда, а между гласными всегда звучитъ близко къ русскому *з*, напр.: *земі* (вм. *сембі*) — говорить, *иззун* — слово. Звуки *т* и *ч* часто произносятся съ яснымъ придыханіемъ — *т'*, *ч'*, напр. *т'е* — садись, (но *тере* — тотъ), *ч'око* — курица; вообще *ч* произносится съ придыханіемъ передъ *а*, *о* и *у*.

Въ лексикологическомъ отношеніи поражаетъ обиліе китайскихъ словъ: названія овощей, одежды, домашней утвари, большинства деревьевъ — чисто китайскія. Отъ нѣкоторыхъ китайскихъ существительныхъ произведены глаголы, напр.: *lai-ta* — плутовство, *lai-ta-lami* — плутовать. Всѣ китайскія слова склоняются по образцу маньчжурскихъ, напр., *чуан* — лодка, *чуан - i*, - *де*, - *бе*, - *дері* (вм. книжнаго *чи*) и т. д.

Въ качествѣ лингвистическаго матеріала мною записано 13 сказокъ, 2 свадебныхъ пѣсни и до 1500 отдѣльныхъ словъ. При всѣхъ записяхъ я руководствовался академической азбукой.

Кромѣ того, мною снято много типовъ и группъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность за оказанное содѣйствіе и радушное гостепріимство нашему консулу въ г. Кульджѣ, С. А. Федорову и секретарю консульства, А. А. Дьякову.

С.-Петербургъ, 1906 г. ноября 21 дня.

